

DOI: 10.33876/2782-5000/2025-16-4/61-83

ЖИЗНЬ И СУДЬБА ЗАХОРОНЕНИЯ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ
ЕЛЕНА ГЛИНСКАЯ

Т.Д. Панова

 РЕЗЮМЕ

Статья Т.Д. Пановой посвящена биографии и посмертному изучению останков Елены Глинской — великой княгини, второй жены Василия III и матери Ивана Грозного. На основе анализа письменных источников (летописей) и, главным образом, данных антропологических исследований захоронения в некрополе Вознесенского собора Московского Кремля, автор реконструирует жизненный путь княгини. Особое внимание уделяется обстоятельствам её регентства при малолетнем сыне, борьбе за власть с боярскими группировками, а также загадочной ранней смерти. Ключевым выводом работы является доказательство факта насильственной смерти Елены Глинской (отравление солями ртути), что подтверждено современными криминалистическими и палеоантропологическими исследованиями, опровергая версии о естественных причинах кончины. Также в статье рассматриваются её семейные связи, роль в государственных реформах (денежная реформа, строительство крепостей) и личная жизнь, включая отношения с фаворитом Иваном Овчиной-Телепневым.

 КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Елена Глинская, Иван Грозный, Василий III, Вознесенский собор, некрополь, регентство, отравление, сулема (ртуть), палеоантропология, криминалистическая реконструкция, летописи, боярские кланы (Шуйские), Иван Овчина-Телепнев, Лицевой летописный свод.

 ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия значительно активизировался интерес исследователей к человеку русского Средневековья. Развитие науки позволяет сегодня получить намного больше информации о людях прошлого. Изучение их ископаемых останков дает возможность не только определить физические параметры человека, но, с помощью специальных методов, систему его питания и хронические заболевания, выяснить возраст и описать прижизненные травмы. В русской истории остается немало вопросов, связанных с судьбами представителей высшей светской и церковной власти в России, особенно с причинами ранней смерти некоторых из них.

При изучении останков русских великих княгинь из некрополя Вознесенского собора Кремля (ил. 1) интерес вызвала загадочная смерть Елены Глинской, второй жены великого князя Василия III и матери царя Ивана Грозного.

В русских летописях в сообщении о внезапном уходе из жизни Елены Глинской отмечено, что похоронили ее «в церкви Възнесения Господа нашего ... возле великую княгиню Софию великого князя Ивана Васильевича»¹. Факт захоронения великой княгини Елены в наиболее почетной части некрополя нашел в последствие подтверждение во время натурных исследований усыпальницы в 1929 г. Правда, следует отметить, что в «Дневнике вскрытия», из-за спешки, погребение этой женщины описано достаточно кратко, без уточнения места его размещения². Но графические и фотоматериалы 1929 г. полностью подтверждают данные письменных источников (ил. 2).

Могила Елены Глинской размещалась у западной стены в юго-западном углу храма-усыпальницы. Она открыла собою ряд захоронений XVI века, продолжившийся до западного входа в Вознесенский собор, вдоль западной стены. Но этот ряд могил был помещен на меньшую глубину, чем могилы XV - первых лет XVI в. И хотя захоронение Елены Глинской находилось рядом с могилой великой княгини Софьи Палеолог (1503 г.), размещались они на разной глубине.

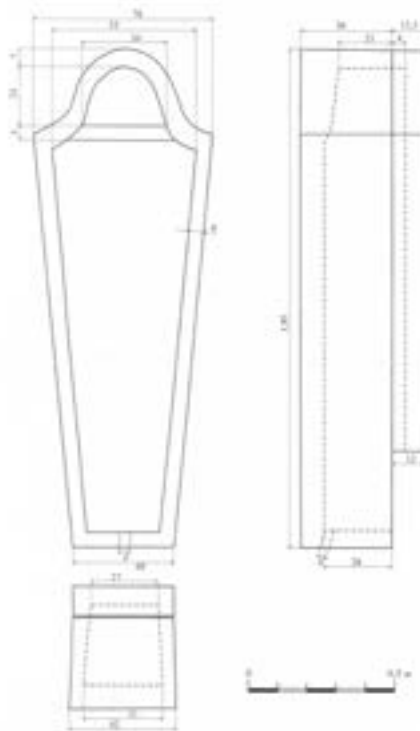
Ил. 1. Вознесенский собор монастыря в Кремле. Фото конца XIX в.

Впервые захоронение великой княгини Елены Глинской было вскрыто и изучено 7 сентября 1929 г. Члены комиссии не могли в тот момент, из-за спешности работ, детально рассмотреть и описать содержимое белокаменного саркофага (ил. 3). Поэтому до нас дошло краткое описание проведенных тогда наблюдений: «По удалению плиты обнаружен костяк в саване. Согласно определению В. К. Клейна, материал - камка итальянская, местами хорошо сохранившаяся. Череп сдвинут к правому плечу. В головах найден маленький сосуд в виде круглой металлической коробочки с крышкой. После того как был отвернут край савана, на черепе обнаружился вязанный сетчатый повойник»³.

Анализ эпитафии на крышке саркофага Елены Глинской представлен в публикации В. Б. Гиршберга 1960 г. Это самое раннее издание части материалов интересующего нас захоронения в российской историографии. Правда, автор ограничился тем, что описал только надпись и общие размеры крышки гроба, а также состояние ее сохранности⁴. Интересно, что впервые у В. Б. Гиршберга отмечено, что крышка гроба состоит из двух частей и что ее меньшая часть разбита на мелкие куски. Эпитафия Елены Васильевны состоит из шести строк: «Лета 7046 (1538 – авт.) месяца апреля в 3 день в среду пятые недели поста в 2 час дни преставися великая княгини Елена великого князя Василия Ивановича всей Русиа».

Ил. 2. Погребение великой княгини Елены Глинской. В момент вскрытия в 1929 г.

Ил. 3. Саркофаг Елены Глинской. План и разрезы.

В 1984 г. автор этих строк проводила исследования саркофагов некрополя Вознесенского монастыря, в том числе и гроба Елены Глинской. При изучении были зафиксированы размеры погребального сооружения и его сохранность. Как выяснилось, к тому времени разбитая на мелкие куски меньшая часть крышки - ее длина не превышала 39-40 см, была утрачена. Костяк великой княгини Елены сохранился полностью. В захоронении отмечено значительное количество текстиля - остатков савана из итальянского шелка фрагменты погребальной одежды. А также фрагмент кожаной обуви (?) и берестяная прокладка от нее. Тогда же из захоронения были изъяты остатки волосника великой княгини Елены. Череп находился в полуразрушенном состоянии, но лицевая его кость сохранилась полностью. Тогда же на лицевой кости и в тлене возле головы погребенной были замечены волосы рыжего цвета и остатки насекомых.

В ходе проекта по изучению некрополя Вознесенского собора захоронение великой княгини Елены было вскрыто группой специалистов 22 февраля 2001 г. Правда лицевая кость черепа этой женщины была изъята из саркофага ранее, в 2000 г. экспертом-криминалистом С. А. Никитиным и Т. Д. Пановой - для проведения реконструкции облика этой женщины.

Исследования останков Елены Глинской палеоантропологами и экспертами-криминалистами представляют огромный интерес и дают возможность по новому взглянуть на жизнь и судьбу этой женщины русского Средневековья. Попробуем представить читателям биографию великой княгини Елены Васильевны. Впервые это было сделано в публикации материалов некрополя Вознесенского собора⁵. Эти сведения представлены и в данной статье.

Сноски

1. Воскресенская летопись//РЛ. Т. 3. Рязань. 1998. С. 387; Пискаревский летописец//Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. 2. С. 38.
2. Панова Т.Д. Кремлевские усыпальницы. М. 2003. С. 196.
3. Гиршберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV – XVII вв. //НЭ. 1960. Вып. I. С. 55-56. № 123.
4. Музеи Московского Кремля. Инв. № А-793/1-2.
5. Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований. В 4 томах. Том 3. Часть 1. Погребения XVI- начала XVII века. М. 2015. С. 69-174.

Ни одна русская великая княгиня или царица XV-XVI в. не удостоивалась такого внимания со стороны хронистов как Елена Глинская. В такой летописи второй половины XVI столетия как Никоновская или сводах Пискаревском и Постниковском имя этой женщины упоминается, в общей сложности, сотни раз.

Казалось бы, столь обширное информационное поле позволяет детально реконструировать биографию великой княгини Елены - матери царя Ивана IV Грозного. Но при внимательном анализе летописей и других письменных источников выясняется, что какие-то этапы ее жизни поддаются описанию, а о некоторых составить даже приблизительное представление весьма сложно. Поэтому, видимо, многие историки XIX - начала XXI в. (и популяризаторы русской истории) предпочитали, отражая события первой половины XVI столетия, включать сведения о Елене Глинской только начиная с 1526 г. - года ее замужества. О родных и предшествующем периоде жизни Елены Васильевны сведения в исторической литературе XIX в., как правило, или вовсе опускаются или приводятся в виде общих рассуждений^{1,2,3}.

Ситуация несколько изменяется во второй половине XX в., когда в научный оборот стали активно вводиться новые письменные источники. Благодаря этому мы сегодня больше знаем о роде князей Глинских и судьбах его представителей в первой половине XVI столетия в России. Но и в этом случае происходит некоторый перекоп в сторону истории мужской линии рода, поскольку деятельность мужчин и их активное участие в политической, военной, экономической областях жизни, оставила более заметный след в памятниках средневековой письменности. В роду Глинских, и это хорошо видно по исторической литературе, самой яркой фигурой оказался, к тому же, дядя княжны Елены - Михаил Львович⁴⁻⁸. И настолько, что некоторые авторы считали его отцом великой княгини Елены Васильевны^{9,10}. Поэтому в данном очерке представляется важным рассказать о семье, из которой происходила вторая жена великого князя Василия III.

Братья Глинские (Михаил, Иван, Василий) и другие родственники в конце XV - начале XVI вв. занимали видное положение при дворе литовского короля Александра II. Наиболее всех выдвинулся Михаил Львович, отличавшийся, несомненно, лидерскими качествами; властный, предприимчивый и честолюбивый по характеру человек. А.А. Зимин писал о том, что Михаил Львович прожил 12 лет в Италии, где и принял католичество¹¹. Но «Память» о роде князей Глинских, введенная в научный оборот историком М. Е. Бычковой, содержит иную информацию об этом человеке. Этот документ XVI столетия со всей очевидностью свидетельствует о его долгом пребывании при дворах немецких князей, что и повлияло на формирование Михаила Глинского как личности. Михаил Львович выехал из Литвы «в немцы» с дипломатом Литоваром. Посол короля Александра II «дал его учить в Немцах тамошнему языку немецкому и грамотам. И там в Немцах князь Михайло Глинской веры своей русской отступился и научився в Немцах князь Михайло ... языком немецким и грамотам, и приехал в Литву служить»¹². Действительно, более десяти лет князь Михаил Львович (с 1489 г.) служил в армии саксонского курфюрста Альбрехта, где прославился ратными подвигами и принял католичество. Приведенные выше свидетельства из родословия Глинских объясняют, почему даже спустя много лет в России кличка этого человека была «Немец».

Вернувшись в Литву, с 1503 г. князь Михаил выдвигается на первые роли и становится фаворитом короля Александра II. Пользуясь его болезнью, Михаил Львович забирает в свои руки властные функции (он был придворным маршалком), что вызвало недовольство в среде придворной аристократии. О степени доверия к Михаилу Львовичу говорит тот факт, что он являлся душеприказчиком короля Александра.¹³

После смерти последнего в 1506 г. положение Михаила Глинского при новом государе резко изменилось. Его даже обвинили в отравлении Александра II и лишили всех придворных должностей¹⁴. Брат Михаила Львовича - Василий, держал в своих руках значительное старшинство

Берестейское, а в 1501-1505 гг. был королевским наместником в Василиштах¹⁵. Честолюбивый Михаил Глинский не смирился с утратой ведущих позиций при дворе короля Сигизмунда II. Обладая военным опытом (он был одним из организаторов победы над войском крымских татар под Клецком в 1506 г.) князь составляет осенью 1507 г. заговор против Сигизмунда. На первых порах войскам оппозиции сопутствует некоторый успех. Участвовал в заговоре и князь Василий Львович¹⁶. Но затем, после серии неудач князя Глинские были вынуждены обратиться за помощью к великому князю Василию III, который, в итоге, и принял их на службу. Это отметили в сводках событий 1508 г. русские хронисты: «Тое же зимы отъеха от короля Жидимонта князь Михайло Глинской и прислал бити челом в службу великому князю Василью Ивановичу всеа Русии; и князь велики пожаловал его принял к себе и с вотчиною»¹⁷.

Так в начале XVI в. в Россию направилась значительная группа литовской знати с многочисленной дворней. Один из сводов дополняет приведенную выше информацию: «... князь великий Василей Ивановича всеа Руси взял его к себе в службу и с его братьею и с приятели ... и к целованию его привел ... и с его братьею, что ему служити верно»¹⁸. Аналогично освещает переход князей Глинских и их соратников по заговору в Москву Патриаршая или Никоновская летопись¹⁹.

Под 1508 г. зафиксированы земельные «дачи» (пожалования) великого князя Василия III Михаилу Глинскому: «А князю Михаилу Глинскому велел князь великий у себя на Москве быти и пожаловал его, дал ему вотчину Ярославец, а Боровск в кормление»²⁰. Эти сообщения свидетельствуют о том, что князь Михаил являлся мотором во всех событиях 1507-1509 гг. - и в заговоре, и в переговорах с русским государем Василием III. Остальные участники даже не упоминаются по именам и скрыты за общими словами – «братья и приятели».

Судя по всему, князь Василий Львович к тому времени был уже ограничен в своих действиях - по причине потери зрения (известна его кличка «Слепой»). Так источники отмечают, что в 1509 г. князь Михаил Львович просил отпустить в Москву из Крыма какого-то хорошего врача, чтобы помочь ослепшему брату^{21,22}.

Мать Елены Глинской звали Анной. Год рождения в этой семье дочери Елены неизвестен, но видимо, она была, как и ее сестра Мария, младшим ребенком; известны их старшие братья - Юрий, Иван и Михаил (см. родословную табл. 1). Владения двоих из них (Юрия и Михаила), кстати, отмечены в духовной царя Ивана IV от 1572 г.²³.

В исторической литературе можно встретить разные версии о времени и месте появления на свет будущей русской великой княгини Елены. Некоторые историки считают, что в 1508 г., когда братья Глинские и их родные попали в Россию, была с ними и маленькая (лет двух) «княжна Елена»²⁴. Другие осторожно пишут о том, что Елена родилась уже в Москве или была привезена сюда в младенчестве; по их мнению, в 1526 г. ей было не более восемнадцати лет²⁵. Историк Исабель де Мадариага отмечает в своей монографии, что в 1526 г. Елене не больше пятнадцати лет²⁶. Не хотелось бы занимать место анализом версий, представленных в популярной литературе - слишком много ошибок в «байках» по этому поводу оставили популяризаторы нашей истории. Это вполне естественно для журналистов и литераторов. Но когда этим грешат остепененные историки ... Так в одной из книг Л. Е. Морозовой можно найти утверждения о том, что Елена Глинская воспитывалась в Литве, посещала балы при дворе короля (даже блистала на них) и карнавалы в замках местной знати; появилась она в Москве только в 1522 г. в возрасте семнадцати лет²⁷. То-есть рождение княжны Елены здесь отнесено к 1505 г. Получается тогда, что в 1526 г. невесте великого князя Василия III был уже двадцать один год, что не соотносится с брачной практикой средневековья. И выводами антропологов, изучивших останки великой княгини Елены.

Мы специально привели эти версии, бытующие в научной и популярной литературе, чтобы продемонстрировать те сложности в воссоздании биографии второй жены Василия III, с которыми сталкиваешься в отсутствии точных данных в письменных источниках.

Но отсутствие сведений не может служить поводом для необоснованных фантазий. Поэтому мы отсылаем читателей к материалам некоторых исследований, уже опубликованным ранее²⁸, а также представленных в издании по результатам изучения захоронений некрополя Вознесенского собора. Они помогают реконструкции истории жизни этой представительницы великокняжеской семьи. И, прежде всего, уточняют ее возраст. Выяснилось, что умерла Елена Глинская в возрасте около тридцати лет; время ее появления на свет следует относить к 1510-1512 гг.²⁹. Повторное исследование останков великой княгини Елены, проведенное в 2010 г. группой антропологов, это подтвердило.

Таким образом, не вызывает сомнений, что княжна Елена появилась на свет в Москве уже после переезда, а вернее, бегства ее родных из Литвы в Россию. Отец Елены, в силу проблем со зрением, не принимал активного участия в жизни московского двора. Дата его смерти не нашла отражения в летописях, но это случилось до 1526 г. Мать Елены Анна пережила не только своего мужа, но и дочь - великую княгиню. Ее имя упоминается хронистами в описаниях событий конца 1540-х гг.

Больше всего мы знаем о деятельности самого известного в России родственника великой княгини Елены - ее дяди Михаила Львовича Глинского. В качестве одного из полководцев он принимал участие в военных походах Василия III ("в конной рати в большом полку"), в том числе и в осаде и завоевании Смоленска в 1513/1514 гг. Но неумный характер и неудовлетворенные амбиции князя привели его в 1514 г. к неудачной попытке вернуться в Литву. Только переходом в православие этот «Немец», как его называли на Руси, спас свою жизнь. Но много лет ему пришлось провести в заключении, условия которого, по источникам, были довольно суровыми.

До наших дней дошел интересный документ, свидетельствующий о том, что опала коснулась всей семьи князя Михаила Львовича. Это «Допросные речи людей князя Михаила Глинского о тайных сношениях супруги его со своею матерью, во время заключения в остроге». Документ дефектен (у него нет начала и есть утраты): «... ко княгине ко князь Михайлове от матери хлебы и сыры и сметану, а отдавали в тын детям боярским ... а и со княгинею виделись сквозь тын, а в тыне не бывали... а сей осени был болен князь Василей князь Михайлов сын Глинского и ко княгине ко князь Михайлове присылала мать ее крест с мощьми»³⁰. Судя по всему, это расследование по поводу недозволенных контактов семьи Михаила Львовича, сидевшей «за тыном», с остававшейся на свободе матерью его жены (речь идет о периоде с 1514 по 1527 г.).

Возможно, речь идет о родне второй супруги князя Михаила (браки были заключены в феврале 1527 г.).

Сведений о том, как жили князья Глинские, их родные и соотечественники в Москве в первой четверти XVI в., у нас нет. То, что княгиня Елена воспитывалась в окружении литовцев и в традициях своей родины, несомненно. Вполне возможно, что полученное домашнее воспитание и образование, рассказы о яркой жизни ее дяди Михаила, побывавшего во многих странах и вращавшегося в кругу аристократии нескольких европейских дворов, привили ей такие черты как независимость и уверенности в себе. Это, естественно, выделяло ее среди девушек из семей русской знати.

Письменные источники не сохранили до наших дней точных данных о «конкурсе» невест для великого князя Василия Ивановича, хотя известно, что таковой был организован. Наиболее видный и активный представитель рода Глинских - князь Михаил Львович - находился в опале и протезировать племяннице не мог. Выбор, судя по всему, великий князь сделал сам. Преодолев сложности с разводом и уже через три месяца после насильственного пострижения в монастырь первой бесплодной жены Соломонии Сабуровой, Василий Иванович женился вторично: «Тое же зимы генваря 21 князь великий Василей Иванович женился второе, а выбрал себе невесту княжну Елену, дшперь князя Василья ... Глинского; и венчал их

Данило митрополит»³¹. Только через год после этого Василий III помиловал дядю своей юной жены: «В лето 7035 ... Тое же зимы, февраля, пожаловал князь велики Михаила Глинсково, из нятства выпустил»³². Источники не отмечают причины, по которым был освобожден этот человек. Но Василий III явно не поспешил это сделать и после женитьбы еще год держал в заключении строптивного князя Михаила.

Осенью 1528 г. великий князь Василий III организовал брак и Марии Глинской - сестры своей жены: «... пожаловал князь велики князя Ивана Пенкова, дал за него своякиню свою княжну Марию»³³. Родня великой княгини Елены, таким образом, укрепила свои позиции при московском дворе.

Итак, в 1526 г. сорока семилетний великий князь Василий женился на юной княжне Елене Глинской, достигшей возраста 14 - 16 лет. Первый и долгожданный ребенок в этой семье родился только в августе 1530 г.: «... в 7 час ноци родися великому князю Василью ... сын от его великие княгини Елены Глинские и наречен бысть Иван»³⁴. Крестили ребенка в Троице-Сергиевом монастыре.

В последующие годы хронисты всего лишь несколько раз помещали имя великой княгини Елены в описания погодных событий. И связано это было, в основном, с поездкой на богомолье в Троицу и участием Елены Глинской (с мужем и сыном) в освещении московских храмов. В том числе и церкви Вознесения в Коломенском³⁵. В 1533 г. в семье Василия III и Елены Васильевны родился второй ребенок (ил. 4), что естественно, стало для немолодого великого князя очень радостным событием: «Октября 30 в среду ... в 7 час дни родися великому князю Василью ... сын от его великии княгини Елены Глинские и наречен бысть Георгий ... и возрадовася великий государь ... а крестил его у Богоявления на Троецком дворе в ... Москве Троецкий игумен Асаф Скрыпицын да старец Даниил с Переславля, ноября в 3 день, в неделю...»³⁶. Второй ребенок у столь возрастного отца оказался неполноценным, что естественно, стало причиной для переживаний его родителей.

В феврале 1533 г. Елена Глинская с мужем присутствует на свадьбе удельного старицкого князя Андрея Ивановича³⁷. Все последующие упоминания великой княгини Елены «в лето 7042» связаны, в основном, с болезнью и смертью ее мужа великого князя Василия Ивановича и судьбой молодой вдовы. В конце сентября московский государь с женой и сыновьями совершил очередную поездку в Троице-Сергиев монастырь, а затем - уже без семьи - отправился на охоту в район Волока Ламского. История о последовавшей болезни великого князя (нарыв на бедре), его долгих мучениях и смерти в Москве достаточно подробно представлена в источниках и рассмотрена в трудах историков.

В связи с этими печальными событиями в судьбе великой княгини Елены произошел крутой перелом. В русской истории периода средневековья мы знаем немного аналогичных ситуаций, когда власть в великокняжеской семье переходила к малолетнему наследнику. Мы опустим случай с девятилетним князем Дмитрием Ивановичем (будущим Донским); во второй половине XIV столетия переход власти от великого князя к старшему сыну еще не был устоявшейся традицией. Но можно вспомнить другой случай. После смерти московского князя Василия I власть унаследовал его десятилетний сын Василий II Васильевич, от имени которого первое время дела решались тандемом: великая княгиня Софья (дочь великого литовского князя Витаутаса) - русский митрополит Фотий. Интересно, что после смерти Василия III вдовой осталась также представительница выходцев из Литвы.

В исторической и популярной литературе рассказывается не только о долгой и мучительной болезни великого князя Василия III, умершего в итоге от заражения крови в результате гнойного воспаления. Несмотря на то, что ход и характер заболевания Василия III в источниках представлены во всех подробностях, есть и другие версии о причинах его смерти. По одной из них уже хорошо знакомый нам Михаил Львович обвинялся в отравлении великого князя и попытке занять его место на московском столе³⁸⁻⁴⁰.

Ил. 4. Рождение сына Юрия в семье великого князя Василия III и Елены Глинской. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

По другой (из области литературной фантастики), Василия III отравила сама Елена Глинская со своим молодым фаворитом Иваном Овчиной-Телепневым⁴¹. Упоминаем об этих версиях, не подтвержденных никакими источниками и натурными исследованиями, поскольку читатель может столкнуться с ними. Для тиражирования они весьма привлекательны, а их бездоказательность большинство современных авторов (и издательств) не интересуется.

Итак, перед смертью Василий III благословил на великое княжение своего старшего сына Ивана, которому шел всего лишь четвертый год⁴². Младшему сыну в удел был назначен Углич и «иные города». Опекунство над великой княгиней и детьми Василий III поручил в том числе и «Даниилу митрополиту»⁴³. Но это больше, видимо, относилось к духовному «окормлению» членов великокняжеской семьи. В той же Воскресенской летописи (создана в середине XVI в.) читаем, что вручив «скипетр великой Руси» малолетнему сыну Ивану Василий III жене своей приказал держать государство «под сыном» до «возмужания сына своего»⁴⁴.

Следует отметить, что хронисты, работавшие в годы правления царя Ивана IV, вообще были склонны возвеличивать (естественно, не без желания царя) роль великой княгини Елены и ее мудрость, чем и оправдывалась передача власти в государстве в ее руки по малолетству наследника. Но не все, что представляли официальные столичные летописи, находит отражение в сводах, составлявшихся в известных своими оппозиционными настроениями центрах. В записях псковских и новгородских хронистов довольно часто отражены более подробные и достоверные сведения о многих событиях, происходивших при московском дворе. И на этот раз обстоятельства передачи власти умирающим Василием III в Псковской летописи изложены следующим образом: «приказа великое княжение сыну своему большому князю Ивану и нарече его сам при своем животе великим князем и приказа его беречи до пятнадцати лет своим бояром ближним»⁴⁵. Судя по этой записи, ни о каком "держании государства" великой княгиней Еленой не было и речи. Более того, когда Елена Глинская прощалась с умирающим мужем, тот вполне ясно высказался о ее будущем - как завещали своим женам «в прежних духовных грамотах отцов наших и прародителей по достоянию как прежним великим княгиням». Это вызвало вполне определенную реакцию совсем молодой еще женщины: «Жалостно было тогда видеть ее слезы, рыдания»⁴⁶ (ил. 5).

Великая княгиня Елена понимала, что ее ожидает жизнь во вдовьем уделе - такова была традиция при московском дворе и примеров тому в русской истории XIV и XV в. мы знаем немало. Активное участие женщин в управлении государством, как правило, не допускалось.

Историки по-разному оценивают ситуацию, сложившуюся после смерти Василия III. И в первую очередь, по поводу опекунского совета, назначенного великим князем при малолетнем наследнике. Одни исследователи считали, что в него вошли те несколько бояр, что совещались с Василием III перед его смертью, другие называли два имени опекунов - князя Михаила Глинского и Дмитрия Бельского⁴⁷ или совет из семи ближних бояр, в состав которого вошли М. Юрьев, В. Шуйский, М. Воронцов, Андрей Старицкий, М. Глинский, И. Шуйский и М. Тучков⁴⁸. Практически сразу же деятельность опекунского совета осложнилась как внутренними противоречиями между его членами, так и между советом и Боярской думой. Опасения вызывали и претензии на власть брата Василия III - удельного князя Юрия Ивановича. Его нейтрализовали сразу же после смерти Василия III и он закончил свои дни в тюрьме⁴⁹. В 1534 г. началось возвышение Ивана Овчины-Телепнева - он получил боярство и стал конюшим. К слову сказать, этот человек к тому времени был известен как опытный полководец, что не раз доказывал на поле брани. Поэтому не следует объяснять его возвышение только личным благоволением великой княгини Елены Васильевны. Удачно складывалась и карьера И. Пенкова - мужа княгини Марии Васильевны Глинской.

Изменилось отношение и к дяде Михаилу Львовичу, особенно после неудавшегося побега в Литву некоторых князей из числа московской знати. К тому же Михаил Глинский явно мешал клану Шуйских, выступавших за серьезные военные действия против Литвы.

Ил. 5. Похороны великого князя Василия III. Елена Глинская провожает мужа к месту захоронения в саних. Прорись миниатюры Лицевого летописного свода XVI в.

Между тем в некоторых хрониках причиной для очередного заключения Михаила Львовича под стражу называют, в общем-то абсурдное, обвинение в отравлении великого князя Василия III; из этого заключения князь Михаил Глинский уже не вышел^{50,51}. Постепенно были удалены (и попали в опалу) и некоторые другие члены опекунского совета - М. Воронцов, Андрей Старицкий и М. Юрьев.

Великая княгиня Елена, видимо, действительно обладала твердым и решительным характером; эта амбициозная молодая женщина не захотела довольствоваться только ролью вдовы («вдовым уделом») и стала достаточно жестко контролировать ход событий в государстве. Перед ней стояла сложная задача - сохранение великокняжеского стола для ее наследника - сына Ивана. В погодных сводках событий хронисты, естественно, сохраняли традиционную формулу и ставили на первое место имя великого князя-ребенка. Никого не смущало, что малолетний мальчик не мог принимать вообще никаких решений в сфере управления государством. Поэтому, как правило, в записях за 1533-1538 гг. следом за «великим князем» неизменно присутствует имя его матери Елены Глинской - за исключением записей о приемах и посылки послов. Титулы эти имели варианты: «великий князь и его мать», «великий князь и мати его великаа княгини»⁵², «великий князь Иван и его мать великая княгини Елена»⁵³. Причем упоминания матери малолетнего великого князя фиксируются летописными сводами постоянно, что означает достаточно активное участие Елены Глинской в жизни двора и принятии определенных решений.

Следует также отметить другие признаки того, что великая княгиня Елена не была пассивной фигурой. В отдельных случаях хронисты механически опускали имя князя - ребенка, прекрасно понимая, что его участия в принятии решений не было. Так произошло при фиксации истории расправы с удельным князем Юрием Ивановичем. В Львовской летописи отмечено, что решение этой проблемы - устранение возможного претендента на престол, Елена Глинская отдает своим ближним боярам⁵⁴. Но в других сводах хронисты прямо указывают, что распоряжение об изоляции князя Юрия отдает одна Елена Васильевна: «И великаа княгиня ... приказала бояром ... и велела князя Юрья поимати»^{55,56}.

В другом случае сделан акцент на активное участие великой княгини Елены в решении о строительстве Китай-города: «Великий князь Иван Васильевич и мати его великая княгини Елена велела заложити град камен на Москве по рву»⁵⁷. Подчеркивает далеко не проходную ее роль в жизни двора и описание приема казанского царя Шигалея и отдельно его жены, царицы Фатьмы Салтан. Для первой половины XVI столетия это редкий случай столь подробной фиксации дипломатического приема в кремлевском дворце с участием великой княгини, с полным указанием состава ее ближних боярынь⁵⁸. Причем в записи о том, как принималось решение о снятии опалы с Шигалея-царя, мы вновь видим характерную опisku хрониста. Упомянув автоматически великого князя Ивана, далее он записал: «и мати его великая княгини Елена о том советовала з бояры»⁵⁹.

В Львовском летописном своде мы встречаем и более пышный титул Елены Глинской: «благочестивая и христолюбивая мати его вторая царица Елена ... совет сотворяет с своими бояры»⁶⁰. Описывая перенос г. Темникова, например, хронист фиксирует «повеление» великого «самодержца Ивана Васильевича всеа Руси и благочестивыа и велемудрыа великыа государыни Елены»; «и великаа княгини велела его (город - Т. П.) прибавити и срубити новый»⁶¹.

Все эти отклонения от обычной формулы «великий князь и его мать», «приговорили», «указали», «велели» и т. п. вообще характерны для Львовского свода, как и возвышенные характеристики ума и благочестия великой княгини Елены Глинской. В некоторых летописных сводах, создававшихся во второй половине XVI в., ощутима идеализация образа Елены Васильевны - царь Иван помнил о ней, что и отразилось в летописных рассказах, записанных в его царствование.

Часты, например, упоминания ее имени и ее дел в таком своде как Никоновская летопись, редактором которой, как считается, был сам царь Иван IV. Но из сведений хронистов сложно понять, какова же действительно доля участия Елены Глинской в принятии важных решений по вопросам внутренней и внешней политики России 1530-х гг. В годы ее регенства в Боярской думе и опекунском совете заседали представители знатных московских родов, служившие еще при великом князе Василии III. В чем-то они продолжили задуманное в годы его правления; но жизнь страны требовала постоянного реагирования на меняющуюся обстановку, новых подходов в экономике, военном деле, обороне границ и т. п. Вряд ли молодая женщина, пусть и достаточно образованная и решительная по характеру, могла проявить себя во всех этих вопросах. Несомненно, за летописной формулой о «совете» великой княгини Елены «з бояры» и кроется ответ.

В период пятилетнего регенства Елены Глинской члены Боярской думы, собственно, продумывали и осуществляли экономические меры, улаживали взаимоотношения с Литвой, Крымом и Казанью, принимали решения об укреплении границ и военных походах. При малолетнем великом князе по-другому и быть не могло. Внешне же это все, по традиции, представлялось как решение (указание, повеление) «великого князя и его матери».

Мы не будем останавливаться на том, как была проведена в России при Елене Глинской денежная реформа (ил. 6), какие города и крепости появились на западной и южной границах государства, чем закончились боевые действия с Литвой и походы на Казань. Как правило, именно об этом историки и пишут, рассматривая период регенство Елены Глинской, и достаточно подробно. Между тем в этих областях государственной деятельности участие великой княгини вряд ли было значительным и решающим.

Анализ письменных источников дает нам право говорить о том, что наиболее полно, подробно и информативно в них отражены события, связанные для великой княгини Елены с защитой прав и интересов ее наследника - старшего сына Ивана. В этом вопросе участие этой женщины проявилось наиболее ярко. Уже через неделю после смерти Василия III его вдове пришлось пойти на изоляцию одного из его братьев - Юрия Ивановича (родился в марте 1480 г.). Отношения великого князя Василия с двумя его братьями - Юрием и Андреем - всегда были весьма напряженными; из-за бездетности Василия Ивановича в первом браке и Юрию и Андрею жениться было разрешено только после рождения у Василия III наследника - сына Ивана от Елены Глинской. Дмитровского князя Юрия заключили в тюрьму, где он и скончался 3 августа 1536 г. И сделано это было, судя по летописным данным, не без основания⁶². Трудное решение для молодой великой княгини хронист обосновывает так: «И великая княгини, берегучи сына и земли, приказала боярам ... и велела князя Юрья поимати и посадити, оковав, за сторожи в полату, где наперед того князь Дмитрей внук сидел»⁶³. Это произошло 11 декабря 1533 г. «в 7 день» поле кончины Василия III. Удельный князь Юрий погиб в возрасте пятидесяти трех лет; жены и наследников он не имел.

Василий III осложнил жизнь и другому своему брату - старицкому князю Андрею Ивановичу (родился в августе 1490 г.). Правда, тот все же успел завести семью и пережить радость отцовства, правда, достаточно поздно - в сорок три года; в 1533 г. у него родился сын Владимир. Но очередную «обиду» ему нанесла и вдовствующая княгиня Елена, когда в 1534 г. князь Андрей стал требовать свою долю по отцовскому завещанию: «А припрашивал к своей отчине городов через отца своего благословение и через духовную грамоту. И князь велики и его мати великая княгини Елена не придали ему городов к его отчине, а почтили его ... давали ему шубы и кубки, и кони иноходцы в седлах»⁶⁴. Столь мизерная компенсация была, несомненно, оскорбительна для старицкого князя. Он уехал в свой удел; хронисты вплоть до 1536 г. не упоминают его имени, так как князь Андрей не принимал в эти годы участия ни в военных походах, ни в придворных ни в церковных церемониях, - даже не приезжал в Москву. Эта ситуация, в конце концов, привела к взаимному недоверию и породила различные слухи, в том числе о желании князя Андрея бежать (как обычно, в Литву), и о желании «великого князя и его мати» положить опалу на удельного князя.

Ил. 6. Денежная реформа в годы регентства Елены Глинской. Прорись миниатюры Лицевого летописного свода XVI в.

Встреча в Москве в 1536 г. двух «враждующих» сторон сложную ситуацию не разрешила и на повторное приглашение посетить двор и принять участие в походе на Казань князь Андрей отговорился болезнью. Более того, в мае 1536 г. князь Андрей в ответ на действия великой княгини Елены - она послала войска для захвата князя и его семьи - ушел в район Великого Новгорода. Силы оказались неравными и князь Андрей пошел на переговоры с воеводой боярином Иваном Овчиной-Телепневым, а затем с ним прибыл в Москву, где и был взят под стражу. Попали в заключение и жена и сын князя Андрея⁶⁵. Скончался князь Андрей Иванович «лета 7046 ... страдальческою смертию в полате, положен в Архангиле»⁶⁶ в возрасте сорока шести лет.

Мы весьма кратко осветили эти сложные моменты в жизни московской великокняжеской семьи в середине 1530-х гг. Последствия этих действий великой княгини Елены, особенно в отношении рода старицких князей, скажутся на судьбе ее сына в 1550-х гг. и приведут в 1560-гг. к трагическому концу эту ветвь потомков Ивана III и Софьи Палеолог. Итак, Елена Глинская обезопасила своих детей от претензий на московский престол со стороны многочисленных родственников мужа - в живых оставался только сын старицкого князя Андрея - малолетний княжич Владимир Старицкий.

В эти же годы в очередной раз резко изменилась жизнь дяди великой княгини Елены - князя Михаила Львовича. Как известно, он был выпущен из тюрьмы Василием III в 1527 г. и затем достаточно успешно подвизался на военном поприще. По воле Василия III он стал одним из опекунов малолетнего великого князя Иван. Но в августе 1534 г. он вновь оказался в заключении. По этому поводу нет точных данных и о причине опалы высказываются разные версии. Одни историки склоняются к мысли, что это была превентивная мера после бегства в том же месяце из России князя С. Ф. Бельского и окольничего И. В. Мстиславского⁶⁷, другие считают, что М. Л. Глинский стал жертвой интриг старомосковской знати, не терпевшей чужаков в своей среде⁶⁸. Третьи называют причиной устранения князя Михаила его вмешательство в личную жизнь вдовствующей великой княгини⁶⁹ - отсюда и абсурдное обвинение в отравлении Василия III дядей великой княгини Елены.

В летописных памятниках нашла отражение и такая сторона жизни московского двора как представительство на различных общегосударственных и церковных церемониях. Хронисты неоднократно фиксировали поездки великой княгини с детьми на богомолье в Троице-Сергиев монастырь⁷⁰, в Можайск⁷¹. Еще при жизни Василия III начали делать новые раки митрополитам Петру и Алексею. Но завершили эти работы уже при великой княгине Елене. Ее участие в церемонии по перемещению останков почитаемых церковных деятелей зафиксировано в летописных сводах⁷². И выезды на богомолье, и участие в церковных праздниках связаны были с появлением великой княгини Елены (вместе с сыном Иваном) при большом стечении народа.

Несомненно присутствие Елены Глинской и на дворцовых церемониях, где по традиционному этикету главная роль отводилась государю. В годы регентства Елены Васильевны эту функцию малолетнему ее сыну выполнять было сложно и многое великая княгиня брала на себя. Правда, следует признать, что данных об этом сохранилось немного.

Наиболее ярко отражена эта сторона деятельности великой княгини Елены в описании приема казанского царя Шигалея и его жены в 1536 г.⁷³. Причем Елена Васильевна участвует и в приеме царя, и в последующем приеме его жены «занеже еще великий государь млад, а положение царьского скипетра державы ... положено на ней и вручено ей от Бога»⁷⁴. Интересно, что в этой церемонии принимали участие и ближние боярыни великой княгини Елены, а не только бояре. Прием проходил в палате «великой государыни... у Лазаря святого»⁷⁵. во дворце. Характер описания этого события не оставляет сомнений в том, насколько неизбежна в тот период позиция великой княгини Елены. Видимо, фамильные черты рода Глинских проявились в характере Елены Васильевны и заставили высшую знать на какое-то время признать за нею право на властные функции при малолетнем сыне.

Но была и другая жизнь великой княгини Елены, частная, скрытая за стенами кремлевского дворца. Великая княгиня стала вдовой в очень молодом возрасте - в 1533 г. ей было 23-24 года, не более. Трудно замкнуть себя во «вдовьем уделе» в такие годы, да еще после брака с пожилым великим князем. Как правило, останавливаясь на этом вопросе, историки ссылаются на свидетельство Сигизмунда Герберштейна: «Сразу после смерти государя вдова его стала позорить царское ложе с неким боярином по прозвищу Овчина»⁷⁶. Казалось бы, сложно верить этому единственному свидетельству, происходящему из мемуаров Сигизмунда Герберштейна. Автор не был свидетелем событий, о которых писал - он посетил Россию в 1517 и 1526 гг. Но, учитывая активные связи с Западом и значительное число перебежчиков из России, информация о событиях при московском дворе, несомненно, доходила до европейских дворов, в том числе по дипломатическим каналам, из рассказов купцов, военнопленных и т. п.

Информативны, косвенно, и русские летописные источники. Хронистам имя Ивана Федоровича Овчины-Телепнева из рода Оболенских было хорошо известно. Он относился к военной элите и с 1510 г. активно участвовал в качестве военачальника среднего звена в походах на Литву и на Казань. В январе 1534 г. получил боярство и в июле того же года стал конюшим⁷⁷. Судя по всему, столь быстрый взлет на один из высших постов дворцового ведомства (в военной иерархии его успехи были несколько скромнее) был не случаен, что и подтверждают слухи о его близости с великой княгиней Еленой.

Если учесть, что начало военной карьеры Ивана Овчины-Телепнева относится к 1510/11 гг. (тогда он был назначен воеводой небольшой рати в г. Тула), в середине 1530-х гг. он уже был, по средневековым меркам, не молод - ему шел пятый десяток и у него была семья - сын Федор. О происхождении жены сведений нет.

Обратим внимание читателя на это обстоятельство, поскольку некоторые романтически настроенные авторы пишут о молодом красавце-воеводе, покорившем сердце гордой великой княгини Елены. Некоторые из них вообще утверждают, что роман Елены Глинской и Ивана Овчины начался сразу после свадьбы ее с Василием III, поскольку Иван Овчина принимал участие в этой церемонии.

Если следовать хронологии событий в письменных источниках, отражающих карьерный рост И. Ф. Овчины-Телепнева, приближение его к великой княгине в действительности произошло сразу после смерти великого князя Василия III. Сложно осуждать за это Елену Глинскую, ставшую вдовой в столь молодые годы. Но сама ситуация для вдовствующей великой княгини и ее фаворита была чревата последствиями. И разрешилась она вполне закономерно и трагично - смертью, и смертью насильственной.

Но обратимся к источникам, чтобы проследить как отражены в них события последнего года жизни Елены Глинской. Следует сразу сказать, что летописные своды после фиксации истории с захватом и заключением удельного князя Андрея Ивановича, перестают упоминать великую княгиню Елену. Так в Львовском своде ее имя названо только дважды - в июне⁷⁸ и в сентябре 1537 г.⁷⁹ в связи с поездками на богомолье. В Пискаревском летописце за этот же период вообще нет записей о Елене Глинской вплоть до ее смерти 3 апреля 1538 г.⁸⁰. Аналогичную картину мы можем наблюдать и в Никоновской летописи. Это обстоятельство невольно бросается в глаза при внимательном анализе летописей XVI в. И возникает вопрос - с чем же это связано? В работах одного из историков указывается на то, что в последний год своей жизни Елена Глинская «много болела и часто ездила на богомолье в монастыри»⁸¹. Как выясняется из источников, поездки были единичны и редки, а о болезни великой княгини в летописях вовсе нет никаких сообщений, как нет их и в записках иноземцев.

Великая княгиня Елена Васильевна умерла неожиданно 3 апреля 1538 г.: «Тоя же весны априля 3, в среду пятыа недели святаго поста, в 2 час дни, преставися ... благоверная и великая княгини Елена, княже Васильевская дщи Лвовича Глинскаго»⁸². Обращает на себя внимание, что великая княгиня Елена связана в записи с именем отца, а не с именем мужа, как

это было принято для замужних женщин в России в период средневековья. в том числе и для великих княгинь (ил. 7).

В Патриаршую летопись внесен, пожалуй, самый подробный панегирик по Елене Васильевне - сын (редактор свода) отдавал должное своей матери, пусть несколько и преувеличивал ее роль в истории: «А была после мужа своего великаго князя Василя Ивановича ... с сыном своим с великим князем Иваном ... и властодръжавствовала государством Великая Русия четыре лета и четыре месяца того ради, младу бо сущу ... Ивану ... сыну еа, наставшу осьмому лету от рожения его»⁸³. Погребли великую княгиню Елену в усыпальнице Вознесенского собора в Кремле «возле великую княгиню Софию великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии»⁸⁴. Запись о смерти Елены Васильевны в Пискаревском летописце гораздо короче⁸⁵.

В исторической литературе вопрос о причине смерти молодой великой княгини всегда вызывал интерес. Анализ публикаций с упоминанием этого сюжета показывает, что большинство историков поддерживает версию об отравлении Елены Глинской. В этом они следуют за единственным источником, где высказана эта причина смерти молодой великой княгини - записками Сигизмунда Герберштейна. Этот иноземец писал в своих мемуарах (в главе об обрядах): «по слухам и вдова (Елена Глинская - Т. П.) немного спустя была умервщлена ядом»⁸⁶. С. Герберштейн упоминает об этом дважды, в рассказе о судьбе Михаила Глинского: «Немного спустя и сама (жестокая) погибла от яда»⁸⁷.

О насильственной смерти великой княгини Елены (об отравлении) писали авторы XIX столетия - Е. А. Соловьев⁸⁸, С. Ф. Платонов⁸⁹, Д. Л. Мордовцев⁹⁰. Некоторые историки обходили этот вопрос стороной, как например, В. О. Ключевский, Р.Ю. Виппер и Б. Флоря^{91,92}, 93. Вслед за авторами XIX - первой половины XX в. об отравлении матери царя Ивана IV писали В. Кобрин⁹⁴, Ф. Кемпфер⁹⁵, Э. Гудавичюс⁹⁶. Как и В. Кобрин, историк И. де Мадариага (Йельский университет, Англия) приводит в своей монографии версию о гибели Елены Глинской от яда⁹⁷, но высказывает скепсис по этому поводу⁹⁸, ссылаясь на публикацию Х. Рюсса и подкрепляя свои сомнения утверждением о слабом развитии медицины в России XVI столетия. Считает смерть Елены Глинской естественной и Р. Г. Скрынников⁹⁹.

Вопрос о причине ранней и неожиданной смерти Елены Васильевны на сегодня - на основании данных исследований, решен окончательно. Ее смерть последовала в результате отравления солями ртути (сулемой). Причем доза яда оказалась весьма значительной, что и объясняет внезапность гибели совсем еще молодой женщины. Выше мы уже отмечали, что последний год жизни Елены Глинской отражен в письменных источниках буквально двумя-тремя записями хронистов. Что резко контрастирует с предшествующим периодом, а именно с записями за 1534 по 1537 гг., когда почти любое более-менее значимое событие в государстве не обходилось без упоминания великой княгини Елены.

И отсутствие данных в летописях, и результаты изучения костных останков антропологами и других материалов из захоронения великой княгини Елены, все это позволяет понять ситуацию, в которой находилась Елена Глинская в 1537 - марте 1538 г. При изучении скелета великой княгини в ее саркофаге были выявлены косточки младенца возрастом от трех до шести месяцев. Состояние костей ребенка не позволило тогда провести генетическую экспертизу и доказать (на 100 %) его родство с Еленой Глинской. Но и без этого предположение о том, что данный младенец являлся ее ребенком очень вероятно. Случаев захоронения в одной могиле (каменном саркофаге, деревянном гробе) матерей с детьми встречаются в археологической материале часто. Есть они и в некрополе Вознесенского собора (о них можно прочесть в данном томе).

Судя по всему, именно беременностью Елены Глинской (и последующими родами) и объясняется ее само (или не совсем) устранение из сферы парадно-представительской деятельности московского двора в последний год ее жизни. В Москве сложилась довольно таки скандальная ситуация, поскольку вдовствующая уже несколько лет великая княгиня произвела

вѣсто. змс е. апрѣла в г днѣ. пере. на
 тыднѣ и сѣго поста. вѣ. в чѣ. дни.
 Престѣпна бѣгоуѣрнаго великаго князѣ
 влендѣ явлюшчѣ. бѣгоуѣрна вѣ
 лика княгини елена. княжепашѣ
 епашчѣ люшчѣ
 глнѣ
 ссѣ
 го
 ;

Ил. 7. Смерть великой княгини Елены Глинской в 1538 г. Прорись миниатюры Лицевого летописного свода XVI в.

на свет ребенка. Отцом его был И. Ф. Овчина-Телепнев; наличие ребенка делает слухи о связи великой княгини с ее фаворитом (о чем писал С. Герберштейн) вполне достоверными. Можно себе представить реакцию московского боярства на подобное развитие событий в великокняжеской семье. Судя по всему, это стало последней каплей, решившей судьбу великой княгини Елены.

В своем первом письме - ответе князю Андрею Курбскому царь Иван IV оставил намек на отношение бояр к великой княгине Елене: «Так же и дед твой, Михайло Тучков, при кончине нашей матери, великой царицы Елены, много говорил о ней надменных слов нашему дьяку Елизару Цыплятеву»¹⁰⁰. Несомненно, это говорит о том, что после смерти Елены Глинской все недовольство знати уже не скрывалось, а выплеснулось наружу.

На вопрос о том, кому же выгоднее всего было устранить вдовствующую великую княгиню, ответ в исторической литературе найти трудно. В переписке Ивана IV с князем Курбским мы встретим довольно подробное описание той обстановки, которая сложилась после гибели Елены Глинской: «... подданные наши достигли осуществления своих желаний - получили царство без правителя ... ринулись к богатству и славе, и перессорились при этом друг с другом. И чего только они не натворили»¹⁰¹.

Последовавшие после смерти великой княгини Елены события показывают, что значительные выгоды в результате получил клан князей Шуйских, на несколько лет (до 1544 г.) узурпировавший власть в государстве - в сложной борьбе и с переменным успехом - не останавливаемся на этом подробнее. Один из них, князь Василий Васильевич, в том же 1538 г. женился на двоюродной сестре великого князя Ивана: «государь пожаловал боярина своево князь Василья Васильевича Шуйского дал за него сестру свою, дочь Петра царевича Анну»¹⁰². Этот человек вошел в семью великого князя - естественно, без согласия последнего - по малолетству его никто и спрашивал, стал «на Москве наместник»¹⁰³, но вскоре умер¹⁰⁴. Этому персонажу царь Иван IV также уделяет в своей переписке значительное место: «Князь Василий и Иван Шуйские самовольно навязались мне в опекуны и таким образом воцарились... А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея... и люди его ... Федора Мишурина убили ... и на церковь руку подняли, свергнув с престола митрополита Даниила. Со дня кончины нашей матери ... шесть с половиной лет не переставали они творить зло!»¹⁰⁵.

Судя по другим воспоминаниям царя Ивана IV, князя Василий, Иван и Андрей Шуйские действительно не стеснялись в средствах достижения власти и богатств. Именно Василий и Иван Шуйские заключили уже 6 апреля 1538 г. в тюрьму фаворита великой княгини Елены - Ивана Овчину-Телепнева: «без великого князя ведома ... и умориша гладом»¹⁰⁶.

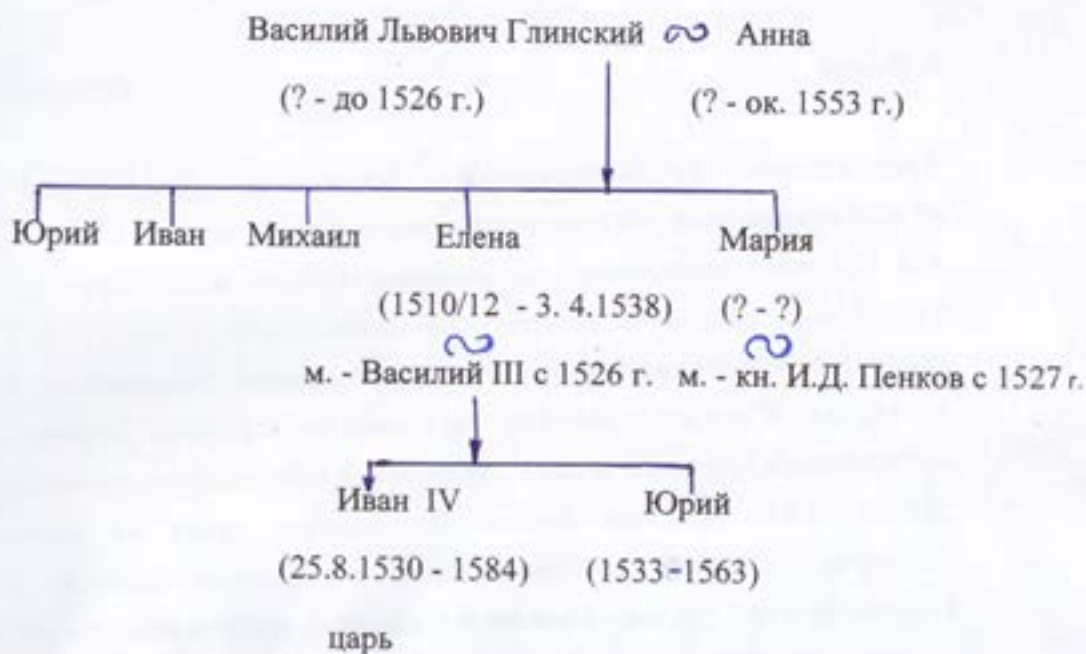
Так закончилось правление Елены Васильевны Глинской - недолгий период, в течение которого русская великая княгиня неожиданно выдвинулась на первые роли при московском дворе, стала, благодаря хронистам, заметной фигурой в русской истории XVI века. Многие загадки из жизни великой княгини Елены ученым удалось решить только в начале XXI столетия (ил. 8).

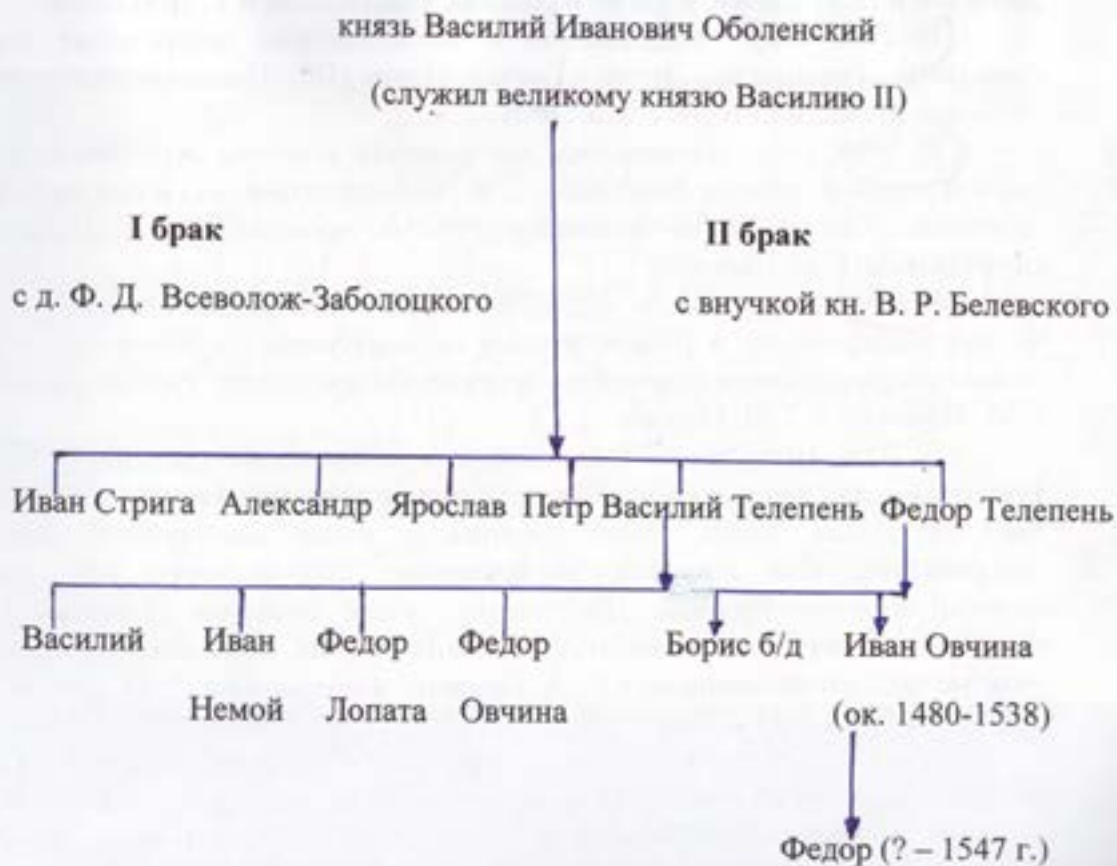
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование жизни и судьбы Елены Глинской наглядно демонстрирует, как современные естественно-научные методы (в частности, анализ останков) позволяют по-новому взглянуть на хорошо известные исторические сюжеты. Т.Д. Панова приходит к нескольким важным выводам.

Генеалогическая таблица 1

Генеалогическая таблица 2

Ил. 8. Две генеалогические таблицы.

1. Уточнение биографии: Анализ скелета позволил установить, что княгиня родилась не в Литве, а в Москве около 1510–1512 годов, а умерла в возрасте около 30 лет. Это опровергает литературные мифы о её европейском воспитании на балах и карнавалах.
2. Природа власти: В период регентства (1533–1538) Елена Глинская, обладая твердым характером, действительно играла значительную политическую роль, обезопасив престол для малолетнего Ивана от притязаний удельных князей (Юрия и Андрея). Однако автор подчеркивает, что реальное управление государством осуществлялось через «совет с боярами».
3. Главное открытие — причина смерти: На основе исследования останков (обнаружение солей ртути) убедительно доказано, что Елена Глинская была отравлена. Версия о естественной смерти окончательно отвергается. Отравление было внезапным и мощным, что объясняет резкое исчезновение её имени из летописей в последний год жизни.
4. Контекст гибели: Смерть княгини напрямую связана со скандалом вокруг её фаворита Ивана Овчины-Телепнева и рождением внебрачного ребенка (останки младенца найдены в её саркофаге). Это дало боярской оппозиции (в первую очередь клану Шуйских) повод для устранения правительницы.
5. Историческое значение: Гибель Елены Глинской привела к острой боярской междоусобице, на годы узурпировавшей власть, что, по мнению автора, наложило тяжелый отпечаток на формирование личности её сына — Ивана Грозного.

Таким образом, благодаря междисциплинарному подходу, удалось не только восстановить подлинный облик Елены Глинской (реконструкция С.А. Никитина), но и окончательно решить многовековую загадку её скоропостижной кончины, подтвердив слухи об отравлении, зафиксированные иностранными современниками.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Платонов С. Ф. Иван Грозный. М. 1998 (по изд. XIX в.). С. 33-35
2. Соловьев Е. А. Иван Грозный. М. 1994 (по изд. 1893 г.). С. 9
3. Мордовцев Д. Л. Русские женщины. М. 1993 (по изд. XIX в.). С. 41
4. Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. М. 1972. С. 82-85
5. Кобрин В. Иван Грозный. М. 1989. С. 17-21
6. Цветков С. Иван Грозный. М. 2001. С. 19-20
7. Гудавичюс Э. История Литвы. Т. I. М. 2005. С. 394, 509-518
8. Мадариага де И. Иван Грозный. М. 2007. С. 60-61, 75
9. Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. М. 1988. С. 32
10. Аль Д. Иван Грозный. От легенд к фактам. СПб. 2005. С. 7
11. Зимин А. А. 1972. С. 85
12. Бычкова М. Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания. Зап. ОР ГБЛ. Вып. 38. М. 1977. С. 121
13. Гудавичюс Э. 2005. С. 513
14. Там же. С. 514, 517
15. Там же. С. 85
16. Там же. С. 518
17. Воскресенская летопись //РЛ. Т. 3. Рязань. 1998. С. 329
18. Львовская летопись //РЛ. Т. 4. Рязань. 1999. С. 492
19. Патриаршая летопись //ПСРЛ. Т. XIII. М. 2000. С. 8
20. Там же. С. 10
21. Сборник РИО. Т. 53. С. 16, 54-55
22. Сборник РИО. Т. 95. С. 72
23. ДДГ. М.-Л. 1950. № 104. С. 443
24. Кобрин В. 1989. С. 18
25. Цветков С. 2001. С. 20

26. Мадариага де И. 2007. С. 60
27. Морозова Л. Е. Затворницы. М. 2002. С. 203-205
28. Панова Т., Пежемский Д. Отравили! Жизнь и смерть Елены Глинской: историко антропологическое расследование. «Родина». 2004. № 12. С. 26-31
29. Там же. С. 30
30. АИ. Т. I. СПб. 1841. № 120. С. 174
31. Патриаршая летопись. 2000. С. 45
32. Там же. С. 45
33. Там же. С. 46
34. Там же. С. 48
35. Там же. С. 56, 58, 59, 65
36. Там же. С. 66
37. Там же. С. 68
38. Мордовцев Д. Л. 1993. С. 46
39. Кобрин В. 1989. С. 21
40. Аль Д. 2005. С. 15
41. Васильева Л. Жены русской короны. Кн. I. М. 2003. С.260
42. Воскресенская летопись. 1998. С. 375
43. Там же. С. 375
44. Там же. С. 375
45. Псковские летописи. Вып. 1. М. 1941. С. 106
46. Новгородская IV летопись // ПРСЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. III. Л. 1926. С. 554-555
47. Зимин А. А. 1972. С. 395
48. Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М. 1975. С. 9
49. Воскресенская летопись. 1998. С. 383
50. Там же. С. 377
51. Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. Вып. II. М. 1955. С. 49
52. Воскресенская летопись. 1998 С. 377
53. Пискаревский летописец. 1955. С. 26, 29-30
54. Львовская летопись //РЛ. Т. 5. Рязань. 2000. С. 8
55. Пискаревский летописец. 1955. С. 25
56. Воскресенская летопись. 1998. С. 376
57. Львовская летопись. 2000. С. 20
58. Там же. С. 26-27
59. Там же. С. 25
60. Там же. С. 16, 19
61. Там же. С. 31
62. Никоновская летопись. 2000. С. 77-78
63. Там же. С. 78
64. Там же. С. 91
65. Там же. С. 96-97
66. Пискаревский летописец. 1955. С. 49
67. Там же. С. 79
68. Скрынников Р. Г. 1975. С. 12
69. Кобрин В. 1989. С. 21
70. Львовская летопись. 2000. С. 38
71. Там же. С. 41
72. Воскресенская летопись. 1998. С. 380
73. Львовская летопись. 2000. С. 26-29

74. Там же. С. 26
75. Там же. С. 26, 27
76. С. Герберштейн. Записки о Московии. М. 1988. С. 88, 192
77. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV - первой трети XVI в. М. 1988. С. 52
78. Львовская летопись. 2000. С. 38
79. Там же. С. 40
80. Пискаревский летописец. 1955. С. 38
81. Скрынников Р. Г. 1975. С. 14
82. Патриаршая летопись. 2000. С. 123
83. Там же. С. 123
84. Там же. С. 123
85. Пискаревский летописец. 1955. С. 38
86. С. Герберштейн. 1988. С. 88
87. Там же. С. 192
88. Иоанн Грозный, его жизнь и государственная деятельность. Биографический очерк. Сост. Е. А. Соловьев. СПб. 1893. С. 9
89. Платонов С. Ф. 1998. С. 35
90. Мордовцев Д. Л. 1993. С. 49
91. Ключевский В. О. Исторические портреты. М. 1991 (по изд. XIX в.). С. 95-106
92. Вишпер Р. Ю. Иван Грозный. М. 1998. С. 133
93. Флоря Б. Иван Грозный. М. 1999. С. 9-10
94. Кобрин В. 1989. С. 22
95. Кемпфер Ф. Иван (IV) Грозный. Сб. Русские цари. Ростов на Дону. М. 1997. С. 34
96. Гудавичюс Э. 2005. С. 525
97. Мадариага де И. 2007. С. 75
98. Там же. С. 525
99. Скрынников Р. Василий III. Иван Грозный. М. 2008. С. 161
100. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М. 1993. С. 135
101. Там же. С. 137
102. Пискаревский летописец. 1955. С. 49
103. Там же. С. 49
104. Воскресенская летопись. 1998. С. 387
105. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. 1993. С. 137-139
106. Пискаревский летописец. 1955. С. 49

Список сокращений

АИ – Акты исторические

Вып. - выпуск

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей

Кн. – книга

НЭ – Нумизматика и эпиграфика

ОР ГБЛ – Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РИО – Русское историческое общество

РЛ – Русские летописи

СПб. – Санкт-Петербург

**THE LIFE AND FATE OF GRAND DUCHESS
ELENA GLINSKAYA'S BURIAL****Панова Т.Д.**

 RESUME T.D. Panova's article is devoted to the biography and posthumous study of the remains of Elena Glinskaya, the Grand Duchess, the second wife of Vasily III and the mother of Ivan the Terrible. Based on the analysis of written sources (chronicles) and, mainly, data from anthropological studies of the burial in the necropolis of the Ascension Cathedral of the Moscow Kremlin, the author reconstructs the life of the princess. Special attention is paid to the circumstances of her regency under her young son, the struggle for power with boyar groups, as well as the mysterious early death. The key conclusion of the work is the proof of the fact of Elena Glinskaya's violent death (poisoning with mercury salts), which is confirmed by modern forensic and paleoanthropological studies, refuting the version of natural causes of death. The article also examines her family ties, her role in government reforms (monetary reform, fortress construction) and her personal life, including her relationship with her favorite Ivan Ovchina-Telepnev.

 KEYWORDS: *Elena Glinskaya, Ivan the Terrible, Vasily III, Ascension Cathedral, necropolis, regency, poisoning, sulema (mercury), paleoanthropology, forensic reconstruction, chronicles, boyar clans (Shuisky), Ivan Ovchina-Telepnev, Facial chronicle.*

 ОБ АВТОРЕ: Панова Татьяна Дмитриевна – археолог, д.и.н. Panova Tatyana Dmitrievna – archaeologist, Doctor of Historical Sciences